ДЖЕК АЛТАУЗЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 521
АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК"
МОСКВА—1930

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва — 1930

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ
„ОГОНЕК"
Последний, 26. Телеф. 69-61.

Главлит № А 57797
Тираж 20.000.

Статформат А-6.

Посвящаю Иосифу Уткину

Я знаю — это все не то.
Теперь начну я по-иному

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

1

Домой привез меня баркас,
Дудил пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слёз,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звёзд,
Чудак — до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов,
Он мудрецом хотел прослыть,
Хотел он в Тулу и Тамбов
Через Голландию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля,
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу,
Мы спали в яворах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

2

А он следил за пылью звёзд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая сколько верст
От Павлограда до луны.

Сквозной дымился небосклон,
Он версты множил на листе,
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать.

Он был пастух, он пас коров,
Потом пастуший рог разбил,
Стал юнкером.
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертореем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны.

Нас годы сделали грубей,
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

Сады с'едали лишаи,
Деревни гибли от огня,
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.

Вскочил и прыгнул через Дон:
Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою в дыму
У шашки треснули края,
И в ноздри хлынула ему
Дурная, теплая струя.

Домой привез меня баркас,
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мну буденовку в руке,
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Летят вороны с проводов,
Пять лет не слазил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою и Двиной
Я был без хлеба и воды,

Чтобы в республике родной
Набухли бронзою плоды.

И если кликнут, я опять
С наганом встану у костра,
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

МАВЗОЛЕЙ

До косточек холод нас щупал,
Над нами
Мы слышали треск —
То чокнулся
Купол о купол,
То крест ухватился за крест.

Ломило на воздухе зубы,
И сыпался снег слюдяной,
Когда
Вавилонские кубы
Поднялись над нашей страной.

И главный,
Кого мы, лелея,
Несли в тишине меловой,
Под бронзовый щит мавзолея
На запад упал головой.

И к этой стене
Заповедной,

Где лег он на вечный гранит,
Где колокол
Шапкою медной
Под Спасскою башней гремит,

Приходят с Карпат и с Памира.
И то
Им увидеть дано,
Что лучшие школьники мира
На партах рисуют давно.

Приходят из дальних селений,
Где волчий
Теряется след,
Вот в северной шкуре оленя
С собакой
Пришел самоед.

А вот на морском самобране
Те люди,
Что силой слывут,
Скуластые наши зыряне
На льдинах тюленьих плывут.

Их треплет,
Их кружит по взморьям,
Несет в ледовитом дыму,
На льдинах
Сквозь штормы и зори
Они подплывают к нему.

Лежит он спокойный и желтый,
И жилы бегут по рукам.
Проходят
За толпами толпы,
Знамена поют по бокам.

И только один
Неизменный,
Как гость у чужого стола,
Стоит
Сарафанный Блаженный,
Цветные подняв купола.

ВИШНЕВАЯ ГУБЕРНИЯ

Ты думала, старушка верная,
Что я смогу,
Прости,
Прости,
Твою вишневую губернию
На эти льдины принести.

Ты думала, носки мне штопая,
Вот вырастет,
Умчит дуга,
И яблоню из Мелитополя
Пришлет в якутские снега.

И я расту,
Борюсь с веснушками,

Мой путь мятели замели.
Опять часы
С двумя кукушками
Твои соседи завели.

И вырос я...
Седая, верная,
Не скоро седина пройдет.
Твоя вишневая губерния
Еще попрежнему цветет.

И там, как прежде,
Этой осенью
Плоды засахарятся вдруг.
Меня ребята
Перебросили
Зачем-то с севера на юг.

И я стою под этой крышей,
Где много, много
Лет назад
Стояла ты,
Пищали мыши, и
Был самородный листопад.

Был день,
Был час...
И было тихо так,
И пахло спелой плотью груш,
Часы на кухне
Тайно тикали...

И в полночь
Не пришел твой муж.

На скрипке он
Руками ловкими
Такие мог бы брать лады,
А он,
Он бомбами, листовками
Пугал фруктовые сады.

За городскою маслобойнею
На память взял он
Горсть земли,
И на цепи, как пса,
Конвойные
Его к Байкалу повели.

Ты следом,
Теми же дорогами,
Пошла за ним
В глухую ширь,
Где спит изрытая острогами
Черемуховая Сибирь.

Седая, добрая и верная,
Я не могу,
Прости,
Прости,
Твою вишневую губернию
К тебе на льдины принести.

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Собака зачешется боком,
Хвостом заюлит у ворот,
Залитая млечным натеком
Зернистая полночь пройдет.

И выползет червь из навоза,
И пробные брызнут лучи,
На улице два водовоза,
И в луже пьют воду грачи.

И голубь, рассветом обмытый,
Соринки хватает из рук,
И желтою жестью обитый
В каморке скрипучий сундук.

Покрытая простынью белой,
Лежала она на спине,
Три склянки с водой помутнелой
И домик часов на стене.

Там цепь волочат в перебранке,
Там гири решетки таят,
И мутные, мутные склянки
С хвостами рецептов стоят.

В раскрытую форточку дует,
А в жилах жилая возня.

Три ночи ее четвертуют
И локти ломают три дня.

Три века, три года, три ночи
И снова три века потом
Ждал этого часа рабочий,
Пудовым гремя долотом.

За стенкой «Коробочку» пели,
Лудильщик кастрюлю паял,
Всю ночь в изголовьи постели
На цыпочках он простоял.

Дрожание первого стона,
Полоски от липкой росы,
У фельдшера тикают сонно
В суконном жилете часы.

И запах дурного отвара
Несет у него изо рта,
И висельник вечный — гитара
Блестит желтизной живота.

И это — рожденье поэта!
Любимая, где ты? Зову!
И это,
И это,
И это —
Мне десять минут.
Я — живу.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АВСТРАЛИЮ

Александру Гатову

На тракторы
И плуги
Садились журавли,
Два парня из Калуги
В Австралию пошли.

В Австралию два друга
Не собрались бы, но...
Социализм Калуга
Построила давно.

Любимая,
Плюй в урны,
Они блестят, как медь.
Тебе кольцо Сатурна
На палец бы надеть.

Еще в пеленках дети
Зубрят здесь буквари,
Как странно,
Что на свете
Еще есть дикари.

Но парня два узнали:
За морем и так далее,
Всем идолам верна,

Австралия,
Австралия,
Дикарская страна.

Идут от луга к лугу,
Австралии все нет,
Мерцают над Калугой
Металлы всех планет.

Литыми зеркалами
Пруды вокруг горят,
Собаки кандалами
На каторге гремят.

И бубенец бесплатно
Забился под дугой,
Зовет, зовет обратно
Валдайчик дорогой.

Шли к мельницам обозы
Крестьянского зерна,
Наверно,
С той березы
Австралия видна.

Из мужиков не ехал
Никто в сторонку ту,
Летающие мыши
Крестили темноту.

Послышался
Недобрый,
Сухой,
Лягавый щелк,
Хвостом, считая ребра,
Шел остромордый волк.

Два парня с перепугу
. . . .
Большой воды луна.
Калуга, ты Калуга,
Родная сторона!

Забрались на березу
И видят в том краю,
Откуда
Шли обозы,
Австралию свою.

Лежит она по скатам,
Но, чорт ее дери,
Друг друга
Кроют матом
По-русски дикари.

И лес
Висит на сваях,
И сваям все равно —
Пусть мужики
В сараях
С баранов рвут руно.

Им, четвертуя спины,
Сдирают шерсть до пят.
Свиную свежанину
Там на зиму солят.

Там шьют себе
Тулупы
Под колокольный звон,
Там снова
Козьим трупом
Запахнет самогон.

На праздник
Парням зубы
Повышибает гром,
И тестя
Зять зарубит
Пудовым топором.

И перед тем, как с миром
Его положат в гроб,
Намажут рыбьим жиром
Усы, ладони, лоб.

Там никому нет дела,
Что гòрбилась в тоске,
Что сотни лет висела
Земля на волоске.

Там никому не надо
Ни песен,

Ни стихов,
Ой, ладушки,
Ой, ладо,
Ой, дудки пастухов!

С сохою деревянной
Несутся через рвы
Кобыла Еруслана
И жеребец Бовы.

Австралия!
Здесь гусли
Еще гремят кругом,
Здесь Марс
Зовут Марусей,
Юпитера — Петром.

И в каждом доме
Чинно
Встал в человечий рост
Веснущатый мужчина —
Интеллигент-Христос.

Глядит
На всех он странно,
Решили неспроста
Усами тараканы
Защекотать Христа.

И ангел
С церкви сонной
Всю ночь летит в зенит

Как будто станционный
Там колокол звенит.

В Австралии
Сосновой
Звенит он триста лет,
Там иностранным словом
Звучал бы
«Сельсовет».

Раскольник за рекою
Гадал бы на песке,
Что слово есть такое
На птичьем языке
. . . .
Столетние мотыги
Рвут жилы из земли.
Нет,
Парня два
Не в книге
Австралию нашли,

Нашли не там,
Где ливня
Ждут черные рабы,
Где слоновым бивнем
Дробят бизонам лбы,

Нашли у нас в округе
Во ржи,

В траве,
Во мхах,
От окружной Калуги
В семнадцати верстах.

Пора речным потокам
Страну
Промыть сейчас,
Чтоб не было под боком
Австралии у нас!

Чтоб нам от луга к лугу
Страна была верна,
Калуга, ты Калуга,
Чужая сторона!

ДЕТСТВО

Ковровые луны,
Песчаные дюны,
Когда-то нам снились
Шотландские шхуны...

Когда-то бывало
Мечта нас кидала
От мыса Надежды
До гребней Байкала.

С мальчишеским граем,
За дряхлым сараем —
Мечтали мы в гости
Бежать к самураям.

Вот пес пестроногий,
Вот дом мой отлогий,
Как колокол смолкший,
Лежит при дороге.

Сейчас с поворота,
Как птица с отлета,
Увядшие крылья
Раскинут ворота.

Я вижу наследство
Бубнового детства —
Забитый колодезь
И лес по соседству.

Без прежнего жара,
Без струн, без загара,
Удавленным другом
Повисла гитара.

Помет воробьиный
Засыпал рябины,
Друзей не нашел я
У волчьей ложбины.

Кто сгинул за Доном,
За вражьим кордоном,
Подкинув папаху
На память воронам.

А кто торопливо
Сорвался с обрыва,
Вплетая черемуху
В конскую гриву.

А самый кудрявый,
Опутанный славой,
Стучался прикладом
В ворота Варшавы.

И где-то за срубом,
Под взорванным дубом,
Припал он к земле
Нерасчесанным чубом.

Ковровые луны,
Рябые буруны,
Опять мне приснились
Шотландские шхуны...

ЛОТОШНИЦА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Ты стояла в цветном платке
У облупленного фасада,
Как в аквариуме,
В лотке
Плыли рыбки шоколада.

Эти рыбки, наверно,
Для
Пробегающих на свиданье.
Дождь:
Покачивались тополя,
Словно водоросли
В океане.

И косынка,
И профиль твой,
И весь мир, что лежит снаружи,
И весь локон твой завитой
Целый день
Отражались в луже.

Целый день промечтала ты,
Дождь прошел,
Промывая дали,
В вуз бежали твои мечты,
Но они
Под трамвай попали.

Дорогая, не робей,
Побеждается все борьбою,

Даже серенький
Воробей
Может землю унесть с собою.

Твой лоток
Облегчает груз.
Выбираясь из-под трамвая,
Все мечты твои
Снова в вуз
По кварталам бегут, хромая.

В анатомке
Блестят ножи —
Там реторты берут за горло́,
Подрывают этажи
Аксиом,
Теорем
И формул.

Как хотелось тебе туда
От лотка,
От трамвайных музык...
Что же делать?
Ты знаешь — да,
Всех не можем
Послать мы в вузы.

Я стоял, я себя корил,
Я пролеткам глядел в колеса,
У лотка твоего

Я курил
Мою первую папиросу.

Дым на шапку мою осел,
Под рубаху забрался,
В складку.
У лотка твоего
Я ел
Мою первую шоколадку.

Подлетая над мостовой,
Лакировкой
Горят копыта.
Мы стоим с тобой
Над Невой
На мосту лейтенанта Шмидта.

Мы стоим,
Мы чего-то ждем,
Громыхают трамваи мимо,
И из труб заводских живьем
Выплывают
«Айсберги» дыма.

Ты смеешься,
Сомнений нет.
Все мы делаем то,
Что надо,
И рабочий,
И поэт,
И лотошница из Ленинграда.

ПРОЩАНИЕ С ЛУЖЕЙ

Александру Жарову

Ты помнишь,
Лужа дорогая,
Как тратил я
Мой юный пыл:
В тебе купал я попугая
И сам себе я
Ноги мыл.

Теперь
Прощаюсь я с тобою,
К морям направился мой путь,
Давно хотелось
Из прибоя
Мне кружку пены зачерпнуть.

Цынга
Мне зубы расшатала,
И в легкие наполз туман,
И я кричу еще с вокзала:
«Налейте море мне в стакан!»

И сразу шторм
Мне прямо в спину
Хлестнул пожарною струей.
А лужа
Обнажала тину,
Грач выпивал ее порой.

Я знал,
Что дождик в нетерпеньи
Опять
Ее наполнит вслух,

И вновь
В индийском оперенья
Над лужею
Взлетит петух.

Мне снова —
Полная награда
С пахучим чаем до краев.
Плывет он,
Мой «Фрегат Паллада»,
От Итальянских берегов.

Двадцатый год,
Фрегат мой, плавай,
Вернись,
Бумажный мой,
Вернись!
Повис отец мой
Над Полтавой,
Распятый головою вниз.

А я мальчишкой
Сплю на крыше,
И снится
Лужа мне в кругах,
И вот меня

Все выше,
Выше
Быки уносят на рогах.
. . . .

О, солнце,
Мне теперь не хуже,
До позвонка меня прогрей,
Я жижу
Нашей пресной лужи
Смог променять
На соль морей.

Что́ море —
Мы его разроем,
Посеем рожь
На самом дне.
Как свиньи, трутся
Волны с воем

У каждой чайки на спине.
Пьянейте, други,
Что за диво,
Настанет час,
И дни придут,
Когда в пивной нам,
Вместо пива,
В бутылке
Море подадут.

Ах, лужа,
Мир тебя обидел,

Копытом конь
Тебя разбил!
А здесь
Скала стоит,
Как идол,
Который тоже богом был.

И я,
Прожилками расписан,
Держу затылком небосклон.
Чем заслужил я
Эти выси,
Лекарство
Этих сонных волн?

Лежим
К прибою головами,
А чайки нас зовут туда,
Где броненосцы
Кандалами
Бьет
Бесноватая вода.

Где ждут
Зажженные запалы,
Где за решетками
Друзья.
А ну-ка, братцы,
Шторм — в бокалы,
И чокнемся
Через моря!

ИРБИТ

Лунной водою облитый,
Вспыхнул осиновый лог.
За горностайным Ирбитом
Много оленьих дорог.

Лесом и тундрой горбатой
Скачет курган на курган, —
Или задушит сохатый,
Или убьет партизан.

Ярмарка; ситцевый сварень
Снегом закружит пути.
Думает старый татарин
Счастье купцово найти.

Кажется жидкой и клейкой
Эта пустынная высь.
Звезд золотые копейки
К синему скату неслись.

Лес закачался на склоне,
Ветер хлестнул синевой.
Пьяные рыжие кони
Ночью догнали его.

Кто это медленно грабил?
Вспыхивал лунный пожар.
И разноцветною рябью
Проколыхался товар.

Сколько ты прожил на свете?
Мудрость татарская где?
Кровь на зеленом бешмете,
Слезы зарыл в бороде.

Пьяное, дикое ржанье
В ярмарочном дыму.
Дряхлые своды Казани
Снились, наверно, ему.

Лесом и тундрой горбатой
Скачет курган на курган —
Или задушит сохатый,
Или убьет партизан.

1924

ОТ БЕССОННИЦЫ

Кони ржали у калитки,
Он прошел через загон.
На плечах дрожали слитки
Жирных, бронзовых погон.

А за ним,
Дразня зубами,
С волчьим щелком языка,
Шли, обвешаны чубами,
Два бровастых казака.

В этот час ей показалось
Где-то, между
Трех берез,

Что босой, сломив усталость,
Я лицом к земле примерз.

В этот час она гадала,
Рылась в соннике она,
Где я был,
Куда кидало
Мелового скакуна.

Помню, волны Чертороя
Мне под сердце подошли,
И не видел я,
Как трое
В нашу горницу вошли.

«Слушай, девка,
Ноет тело,
Ты одна —
Совсем добро!»
И у шашек запотело
Водяное серебро.

«Трое нас, нам отдых нужен».
В вышине большой воды
Три орла себе на ужин
Расклевали три звезды.

Рваный лай собак сонливых,
На столе, вздувая пар,
В ноздреватых переливах
Брызнул медный самовар,

Засвистел зубчатым краном,
Проползали через лбы
И двоились по стаканам
Черносливные чубы.

Самовар стоял, как идол,
И бренчала в нем вода.
Хорошо, что не увидел
Я во сне ее тогда.

Только сердце захотело,
Чтобы слышал я сквозь сон,
Как над нею зазвенела
Бронза взорванных погон.

В те года я был далече
На коне, в глухом гаю.
Ворон сел ко мне на плечи,
На буденовку мою.

В те года у ржи зеленой
Плоть томилась без росы,
В те года еще Буденный
Отпускал себе усы.

. . . .

Это сказка, это небыль,
Это сон мне тему дал,
Ни в каких боях я не был,
И никто меня не ждал.

Это только показалось,
Что кого-то я люблю,
В час ночной, когда я малость
Притворился, что я сплю.

***

По улице зябкой и длинной,
Где колокол купол качнул,
Прошел он в дохе соболиной,
Перстнями в глаза мне сверкнул.

И мне показалось, что будто
Глаза мне проткнули штыком.
Лежали витрины, как спруты,
С одним многоводным зрачком.

По треснутой нашей панели,
По камням, по плитам сырым,
В обсвистанной ветром шинели,
Шатаясь, пошел я за ним.

Он шел без оглядки, не смея
Подошв оторвать от земли,
И, словно очковые змеи,
С заборов плакаты ползли.

И над милицейским участком
Топленое солнце взошло,
И луч заглянул безучастно
В его роговое стекло.

Базарное чоканье крынок,
Капусты испуганный хруст.
Весь день устанавливал рынок
Его калькуляции чувств.

Привычен он к сутолке гулкой;
Как может он в нашей стране
Ходить по глухим переулкам
И даже посвистывать мне.

Конвейер людей, по просторам
Людская протянута нить,
Я должен за ним, как за вором
И как за убийцей, следить.

Сейчас у нас песни и книги,
Сейчас у нас хлеб и дома,
А в прошлом, как мертвые бриги,
Встает за тюрьмою тюрьма.

Какие бураны свистели,
Нет, он не вернется опять,
Не ляжет на наши постели
Под крышею нашей дышать.

Затем ли росла наша слава,
Затем ли шатались в дыму,
Прости, Перекоп и Варшава,
Недолго осталось ему.

СВЕРСТНИЦЕ

Покинь этот дом ненавистный,
Пойдем, я тебя уведу
От этих березок безлистных,
Засохших в каком-то году.

Стоят они здесь, как мишени,
В которых стреляют давно.
Иду я —
Отец твой лишенец
Испуганно смотрит в окно.

И пес твой, как колокол старый,
Залаял, и вновь тишина,
И желтое тело гитары,
Мертвея, висит у окна.

Отец твой — старик нелюдимый,
Он бредит в постели ночной
Артуром и знойной Цусимой,
И «славной» японской войной.

Встревоженный поздней отвагой,
Он, крест нацепивши на грудь,
Клянется поломанной шпагой
Былые твердыни вернуть.

Как дом с прогнивающей крышей,
Он рухнет при первой грозе.

Я рад — он увидел, что дышит
Звезда на моем картузе.

Покинь эти дряхлые стены,
Их завтра на слом провезут.
В последние норы вселенной
Улитки столетий ползут.

И эти мы норы разроем,
Смотри, как заря нам верна,
Как под кирпичами «Госстроя»
Рождается наша страна.

Я парень кудрявый из Пресни,
Мне двадцать,
Я не был в бою,
Я твой современник и сверстник,
Я руку тебе подаю.

Не хочешь —
Так к чорту,
Не надо,
Мы строим
На площади дом,
А ну, отойди от фасада,
А то
Невзначай
Расшибем!

МАШИНИСТКА

Под катакомбами Рыбсиндиката
Брюхатые сидят бухгалтера,
И он сидит.
И перед ним с плаката
Плывут два белозубых осетра.

Пером промчит он
По бумажным грудам,
И завитушки цифр
Наследит.
Там девушка
За новым ундервудом,
Как за роялем крошечным, сидит.

Она играет,
Но никто не слышит,
А гаммы рвутся,
Клавиши скрипят.
А ундервуд
Давно с одышкой дышит
От судороги
Бешеных сонат.

И гаммы вдруг
Запрыгали по скату,
И девушка
Взялась за бутерброд.

Та, что играла
Лунную сонату,
Вложила хлеб
И пять икринок
В рот.

Она нежна
К бетховенским причудам,
От клавесин не отрывает рук.
Ползут, как ноты, перед ундервудом
Последние счета в Хлебопродукт.

СТИХИ О ВЕТЛУГЕ

Ивану Молчанову

Обгрызы пней,
Откоса желтый ярус,
Кривой комбриг,
Мы ждем команд твоих!
Налей мне щей,
Кудрявый каптенармус,
Пятнадцать ложек
Хватит на двоих.

Журбенко, друг,
Твой нос едят веснушки,
Ячмень в глазу
И на щеке рубец.

В орешнике
Засохшие кукушки,
Их нюхает
Голодный жеребец.

Послушай, мой
Товарищ бледнолицый:
Мне третий день
Мерещится сквозь дым
Пятнистый лоб
Убитой кобылицы,
Две лупы глаз
С натеком голубым.

Не спится мне,
Ресниц я не слипаю,
Пока вчера
Смотрéл я на луну,
В Иртыш упал
Подстреленный Чапаев
И пальцами
Схватился за волну.

Я хлеб жевал,
Пил воду из бутылки,
А он всю ночь
Не уставал нырять,
И щучий зуб,
Застрявший на затылке,

Ему мешает
Вынырнуть опять.

Журбенко, друг,
Присядем за кустами,
К привалу нас
Тропинки привели.
И кони ржут,
По ребрам бьют хвостами,
Копытами
Колотят ковыли.

Два года мы
С тобой не мылись в бане,
Заели вши,
И надоело мне
Ногтями
Щелкать их на барабане
И до крови
Царапать по спине.

Вчера был бой.
От сабель было серо,
Кривой комбриг
Махал нам рукавом.
Я зарубил
В канаве офицера
И у него
В кармане боковом
Нашел я книжку

В желтом переплете —
Ее писал
Какой-то Карамзин.
Две ласточки
Сидят на пулемете,
И на кустах
Лежит мой карабин.

Журбенко! Я
Устал затвором звякать,
Цветет крыжовник,
Зреет бузина,
Давай читать,
Давай читать и плакать
Над этой книжкою
Карамзина.

Друзья мои,
Мы завтра в бой поскачем,
Отточен штык,
В нагане цел заряд,
А вот сейчас
Над девушкой мы плачем,
Обманутой
Сто лет тому назад.

Но к чорту все!
От птичьего помета,
Блескучий штык,

Ты посерел опять,
И кружатся
И в горле пулемета
Две ласточки
Хотят заночевать.

Им все равно,
Их к югу гонят вьюги.
Журбенко! Слышишь
Ржанье кобылиц?
Лежим в траве,
Ты о своей Ветлуге
Опять плетешь мне
Сотни небылиц.

Ах, милый враль,
Какие небылицы!
Засыпан свод
Соринками планет,
Ветлугу
Называешь ты столицей,
А там, чудак,
Фонтана даже нет!

Фонтана нет,
Но каланча какая!
Весь мир видать,
Сиди,
Смотри в окно,

Увидишь ты,
Как духов выкликая,
В Константинополе
Играют в домино.

Довольно врать!
Довольно про Ветлугу!
А он плетет
И все плести готов.
В Ветлуге он
Поймал в пруду
Белугу,
Белугу девятнадцати пудов.

В Ветлуге парни
Любят до восхода
Играть на струнах
Из овечьих жил,
Сам Ленин
До семнадцатого года
У них простым
Аптекарем служил.

Рассвет,
Луна в засахаренном круге,
Закрой глаза,
Что сон тебя неймет.
Ах, милый враль!
Забыл я,

Что в Ветлуге
Еще твоя
Марусенька живет.

Нет, не живет!
На желтой душегубке
Ее увез
Курносый атаман.
Он целый час
Курил,
Копался в трубке,
Усы вертел
И был, наверно, пьян.

Ее уж нет,
Она теперь далече,
И некому
В Ветлуге за углом
Из форточки
Бросать тебе навстречу
Воробушка
С запиской под крылом.
. . . .

Армейцы спят,
И кружатся планеты.
Я из нагана
Выпалил заряд.
Но что со мной,

Журбенко?
Где ты, где ты?
Все это было
Девять лет назад.

И я сейчас один,
Без патронаша,
Лежит на крыше
Зимняя слюда.
Как мог я позабыть,
Что дружба наша
В двадцатом
Оборвалась навсегда.

Не думал я,
Что там, в дыму и вьюге,
Свинчатка пули
Может сделать так,
Что не увидишь ты
Своей Ветлуги,
И в трубке вдруг
Погаснет твой табак.

Да, это было все
Перед рассветом.
Кривой комбриг,
Зови меня опять!
Вели меня
За то, что стал поэтом,
По твоему приказу
Расстрелять.

Пусть я поэт,
Но кровь не помутнела.
Страна моя,
Я все отдам тебе,
Чтоб только ты
Плодами зеленела,
В кларнеты дула
И звала к борьбе!

СОДЕРЖАНИЕ:

Цена 15 к.